

Время неумолимо быстротечно. Нынче, 29 ноября, вот уже почти два десятка лет как не стало с нами Виктора Петровича Астафьева. Но, как ни парадоксально, для меня не существует границ времени. Всё, что связано было десятилетней дружбой с Виктором Петровичем, было как будто вчера. И живу я в реалиях сегодняшнего дня. С нетерпением жду весну, когда снова сломя голову на целый месяц помчусь в Овсянку, где меня с нетерпением ждёт мой друг и наставник Виктор Петрович: и по утрам немудрящую кашу будем вместе варить, и он будет с усмешкой подтрунивать надо мной, над моей деревенской неловкостью, и, затаившись под кустом кудрявой калины, с нетерпением будем ждать очередную разорительницу-ворону, которая поджидает прилетевшего с тёплых краёв и обихаживающего свой «дом» скворца, и на вечерней заре пойдём на Енисей, к бабе Ане (Потылицыной А. К.) зайдём на сладкие пироги, и в библиотеку заглянем. А уж вечером, в тишине и покое, займёмся каждый своим делом. И уже ближе к полуночи Виктор Петрович включает свой старенький телевизор, чтобы посмотреть очередной футбольный матч. А я, намаявшись за день, к стыду своему, буду рядом сидеть на диване, поспавывая, дремать. И уже далеко за полночь толкнёт меня осторожно Виктор Петрович и просто скажет:

— Укладывайся.

Спросонья, не понимая, где я, заморгаю глазами, и уж когда соображу, то спрошу, кивнув на телевизор:

— Ну что там?

Виктор Петрович, отмахнувшись, зашаркает мягкими тапочками по половикам, на ходу разочарованно бросив:

— Продули... Опять продули...

А утром чуть свет я поднимусь и займусь в усадьбе писателя хозяйственными делами. Только ближе к полудню он вывалится из «избушки», так называл он свой домик в Овсянке, улыбнётся и удивлённо воскликнет:

— Ого! Герой Труда дрыхнет, а желанный гость уж пол-огорода вспахал. Да на тебя земли не напасёшься,— и довольно засмеётся.

И всё это у меня перед глазами, наяву. Нет, не вчера это происходило, а вновь будет этой весной

там, в Овсянке. Но только в памяти. А придёт она, долгожданная весна эта,— разочарование за пустое ожидание и рухнувшие надежды постигнут меня. И вновь к сердцу подступит та неисцелимая боль, когда в Енисейске я услышал о страшной беде и мчался на машине в Академгородок.

И вот, живя в Енисейске, я слышу голос его. Нет, не в Красноярске, не в других городах нашей необъятной Родины, а здесь, в Енисейске. Этот город, и даже не город, а городок, дорог мне с детства. Ещё Сергей Залыгин в своё время писал о Енисейске так: «О Енисейске нельзя сказать, что он похож на большую деревню,— это город, нельзя даже сказать „городок“. Нет, это небольшой, но город. И школа в нём каменная, красивая, городская».

Вот и великий писатель современности Виктор Петрович Астафьев полюбил его с детства. С тех пор, когда его мальчишкой везли на барже на суровый Север, в Игарку. С тех пор он ему запомнился на всю жизнь. Он всегда тосковал о нём. В Енисейске начинали снимать фильм по его произведению «Где-то гремит война». А после переезда из Вологды в Красноярск он был частым гостем у нас в Енисейске. А мне дорога здесь первая встреча в моём родном городе с Виктором Петровичем. Хорошо мне помнится тот день, когда почти случайно я познакомился с ним в своём родном городе. Конечно, в первые минуты общения я чувствовал себя неловко. Стыдился поддерживать разговор о литературе, подбирая с трудом слова, нелепо отвечал на задаваемые мне конкретные вопросы. Я знал, что передо мной сидит человек особенный, необыкновенный, не такой, как я, как другие. До встречи с ним я представлял, что Астафьев высокомерен, обременённый мировой славой, и смотрит на всех свысока, говорит высокопарными словами, что ему неинтересны наши мирские житейские дела.

И, несмотря на народный характер его книг, в которых он раскрывает красоту простого человека, я был убеждён, что именно таким должен быть Астафьев, потому что слава кружит людям голову. Но каково было моё удивление, когда перед собой увидел обыкновенного человека, в обыкновенной простой рубашке, без галстука, говорившего не наставительно-витиеватыми фразами, а просто и понятно, нашим «деревенским»

языком. Он со свойственной ему простотой расспрашивал меня о житие-бытие, рыбалке, охоте, урожае грибов и ягод в тайге.

Уже позже я узнал, что Виктор Петрович был и охотником, и мастером рыбной ловли, и длинным природолюбом. Его повесть «Царь-рыба» и многие рассказы вошли в хрестоматию по экологии и охране природы. Писатель давно был верным другом альманаха «Охотничьи просторы», где публиковались такие известные его произведения, как «Улыбка волчицы», «Лес Аденауэра» и ряд других, а в 1996 году он специально для альманаха написал проникновенно-лирические воспоминания «Разговор со старым ружьём», вызвавшие особый интерес читателей.

Писатель на протяжении многих лет сотрудничал с детским журналом о природе для семейного чтения «Муравейник».

Бывая в Енисейске, он делился с друзьями сокровенными мыслями, строил планы на будущее, ездил на рыбалку, в тайгу. Он шесть раз бывал на реке Сым, которую воспел в своих произведениях. Летом летали мы с ним на вертолёте на реку Сочур, а затем и на Кию.

В одной из последних «затесей» «На сон грядущий» Виктор Петрович признаётся:

«Что же самое хорошее было в моей жизни? Лес, тайга, бесчисленные хождения по ней. Конечно же, с ружьём. Я был плохой стрелок, и меня „кормили“ ноги. Чтобы что-то добыть, я должен был много, много бродить по тайге. После войны я „боялся“ большой крови, и самым сподручным зверем был для меня рябчик, редко тетеря и ещё реже утка.

Я стеснялся неуклюжести в стрельбе с левого плеча (зренье правого глаза я потерял на войне) и потому предпочитал бродить по тайге один. Там, в тайге, и сочинительство начал. Уж очень много видел и пережил в тайге такого, о чём хотелось поведать другим людям, раз они этого видеть и пережить не могут».

Или в этой же «затеси». «Я люблю весну с боногого детства, с игр в бабки, в лапту на поляне, но вспоминается чаще и щемливей в сердце всё же осень с её пёстрым празднеством и грустным расставанием с летом и теплом».

Известно, что Виктор Петрович всегда был душой любой компании. Но, очутившись в тайге, он уединение любил. В такие минуты он расслаблялся и, будто сбросив с натруженных плеч непосильный груз мирской суеты, с головой уходил в мир природы, внимая её неповторимую погаённую жизнь. Здесь у великого писателя рождались новые замыслы рассказов, «затесей», повестей. В тайге же, на реке Сым, с удочкой в руке, он радостно воскликнул:

— Есть роман!

Здесь же он и поделился с В. Н. Сидоркиным замыслом книги о войне «Прокляты и убиты».

Одним из замечательных качеств Виктора Петровича Астафьева было то, что он высоко ценил настоящую мужскую дружбу, которая держалась на полном доверии и уважении друг к другу. Мне он как-то печально признался:

— Видишь, Алёша, сколько ко мне народа ходит, а настоящих друзей у меня мало. Один из них ты.

Для меня такое признание, конечно, было неожиданностью. Я и теперь горжусь, что в своё время писатель поставил меня в один ряд со своими надёжными друзьями.

К тому же Виктор Петрович уважал и ценил труд таёжника и людей этой древней профессии, считая их чистыми душой и добрыми сердцем. Ведь в то время и я был просто промысловым охотником. И Виктор Петрович своим друзьям и знакомым поначалу с гордостью представлял меня так: «Алёша из Енисейска. Охотник...»

А чуть позже Виктор Петрович напишет предисловие к моей первой книжке «Мужская трава», в которой достоверно расскажет о нелёгком труде таёжника:

«Почти во всех охотничьих избушках находил я то небрежно брошенную на стол, то тщательно спрятанную тетрадь — что-то вроде календаря, который часто переступает свои скупые страницы и превращается в дневник, собеседником охотника становится ученическая тетрадка — собеседник нужен всякому человеку, необходим он и охотнику. Много ли с собаками наговоришь?»

Ах, сколько наблюдений, одиноких дум, иной раз неуклюжими, но искренними стихами или в виде песни изложенных, в тетрадках одинокого промысловика!

„Россыпью зёрен“ называю я эти нехитрые творения, занесённые в тетради, из которых проросло не одно стихотворение в мировой и прежде всего в русской литературе.

Алексей Бондаренко эти „россыпи зёрен“ проращивает в виде коротких этюдов, рассказов, зарисовок. Я давно их читаю и вижу, что год от года слух и глаз охотника становятся приметливей и острее, перо — тоньше. Впрочем, я не хочу навязывать вам, дорогой читатель, своих оценок — я ведь не продаю и не покупаю товар, я всего лишь предлагаю побыть вместе с охотником в приенисейской дивной тайге, подышать лесным воздухом, порадоваться, иногда погрузиться, поучиться таёжному умению; опыту, которые никогда не лишни, но особенно нужны, когда оказываешься один в тайге, да ещё в беду попадёшь».

Осталась незабываемой для меня одна из поездок с Виктором Петровичем на реку Сочур.

Зимовье на реке Сочур некорыстное, обветшалое, потолок из жердей, земляной пол и полуслепое оконце на восток. Нары вдоль противоположных стен сколочены тоже из сухих жердей, меж ними небольшой столик и в углу железная

печурка. Брёвна без пазы, и кое-где через стены зимовья проникает дневной свет — птицы и мыши постарались. Зимовье когда-то было построено лесостроителями на высоком берегу реки. Лесостроители сделали своё дело, отработали положенный срок и удалились восвояси с диких берегов. Многие годы так и стояло зимовье без пригляда, обветшало, покосилось. Со временем оно бы сгнило и рассыпалось. Благо его случайно нашли охотники — на перепутье стоит, подлатали, подладили, крышу заменили, ещё одно оконце втиснули в прогнившую стену. Светло и уютно стало в зимовье.

Не думал я, не гадал, что в этом зимовье придётся мне несколько дней прожить и пообщаться с Виктором Петровичем. Наша поездка на Сочур вышла экспромтом. Этой весной я не собирался в тайгу. Когда природа оживает, тогда человек лишний в лесах. Не надо мешать таёжной живности гнездиться, плодиться, наслаждаться жизнью. В тайге в это время жизнь кипит, суета сует...

Дома, занимаясь повседневными делами, часто вспоминал Овсянку, откуда я только что вернулся в свою деревню. И как-то вечером у меня в доме объявился Виктор Петрович, будто с поднебесья спустился, упал как снег на голову. Рядом с ним — Василий Нестерович Сидоркин, возглавлявший в ту пору компанию «Эко-Сым». Оба стоят у порога, мнутя, что-то важное выложить хотят. На Виктора Петровича не похоже: в его ли возрасте, как мальчишке, смущаться и помалкивать?

— Ну что вы у порога-то? Проходите в избу, — спохватился я, не пришедший ещё в себя после такого сюрприза.

А Виктор Петрович тотчас же прямой вопрос влепил:

— Со временем как?

— Его всю жизнь нехватка.

— Тогда чай давай, Люда, — обратился Виктор Петрович к моей жене.

За чаем и пряниками дело не стало. Скоро мы сидели за столом и перебирали по памяти подходящие глухие места, куда нам забраться на рыбалку. Не помню почему, но единодушно выбрали реку Сочур, где затишьё и Божья благодать.

Река Сочур, тихая, спокойная, без капризов, встретила нас покоем и умиротворением. На её глинистых берегах кое-где стояла ещё вода, оставленная половодьем. Русло обретало свою форму. Озёра, перемкнутые ещё тонкими перемычками берега, прятались в глубине тайги, с каждым днём всё более удаляясь в глушь от успокаивавшейся реки. На Сочуре движение воды почти не заметно глазу, и река больше напоминает застоявшееся болото с вязкой тиной на отмелях. Только редкие песчаные обмыски говорят о том, что здесь, как и на всей земле, продолжается жизнь. Таких рек на левобережье Енисея множество, скрытых и тихих.

В них не водится благородная рыба, но уж «сорной» вволю. Пудовые щуки вечерами будоражат воду, поджидая зазевавшуюся мелочь, краснобрюхие язи лениво шевелят плавниками, собираясь у пририй. Окуня и сороги и вовсе не счесть.

Не знаю, почему согласился Виктор Петрович побывать на реке Сочур. Избалованный приглашениями рыбаков, он мог без труда побывать в любом, даже не доступном для простых смертных уголке нашего края. Рыбачья удача всегда сопутствовала ему. В былые времена он умеючи ловил на спиннинг и тайменя, и хариуса, и ленка, да и чего ему только не попадалось. И вдруг ни с того ни с сего — река Сочур с застоялой водой, с не привлекательной для любого ханжи рыбой. Уже позже я понял, что промысловый улов никогда не интересовал Виктора Петровича. Ему бы посидеть с удочкой на берегу тихой реки, побыть с природой наедине, подумать, помечтать, поговорить с птицами. Потому-то большие компании он не любил, особенно сторонился любителей повыпячиваться, повыпендриваться, повыкобениваться. Сам же всегда поддерживал разговор у костра ли, в избушке ли, на реке ли, и каждый раз в его речи не было местоимения «я» — для него это словно не существовало. Восхвалителей «подвигов» он сторонился, а при случае осуждал их за бездуховность, легкомыслие и беспечность.

Я же выбрал реку Сочур для поездки лишь по одной причине: давно обещал показать писателю свою малую родину — древнее село Маковское. Такой случай представился, и я, конечно, воспользовался им. Направляясь к Сочуру, вертолёт обязательно пролетит над моим селом. К месту было и то, что я попросил пилотов покружиться над Маковским.

Вертолёт то зависал, то делал круги над селом. И в эти минуты сильно было моё желание ступить на родную землю, повидаться с мамой — тогда она жила там, но лётное время было весьма ограничено, экипаж торопился.

Мы, уставившись в иллюминаторы, смотрели вниз. Река Кеть входила в берега. Разорённые и большей частью заколоченные дома, поваленные заборы словно взывали о помощи. Заваленные хламом и мусором улицы стали узкими, жалкими. Чего бы ни касался взор — всюду запустение, беспечность людская. Лишь уцелевшие редкие телевизионные антенны на длинных шестах вещали, что в селе ещё теплится жизнь.

Когда в последний раз вертолёт завис над селом, писатель воскликнул, качая головой:

— Какое село загубили!!!

После зрелища разрушенного древнего сибирского села, форпоста Восточной Сибири семнадцатого века, Виктор Петрович каждый раз при наших встречах будет задавать мне один и тот же вопрос: «Мать-то перевёз к себе?» И снова через год мне

напомним: «Переpravил мать-то с отчимом? Ещё одно деревенское русское гнездо опустеет. О-о-о Господи, когда же наоборот-то будет?»

Растроганный Виктор Петрович ещё раз уныло глянул в иллюминатор и, достав из «энцефалитки» четверо сложенный листок бумаги, подал мне.

— Нам бы сей день пережить, — кисло улыбнулся он.

На листке его почерком было написано одно слово: «Крепись».

Сочур встретил нас хмарью и дождём. Но вскоре выглянуло солнце, защебетали птахи, лёгкий ветерок принёс тепло с южной стороны. Вокруг избушки буйно росла черемша. Её было так много, что некуда было поставить ногу. Она росла даже у самого порога избушки. Мы стояли в растерянности, поглядывая друг на друга. Не хотелось топтать нежные листочки, а дверь открывать надо. Я первым решил и вошёл в избушку. Порадовало то, что в зимовье было сухо. Как раз то, что нужно для больных лёгких Виктора Петровича.

Чай вскипел быстро, и на столе появилась гора городской снеди. Виктор Петрович привезённые яства небрежно отодвинул в сторону и, вооружившись ножом, не выходя из зимовья, напастал у порога грудку сочной черемши. В эти минуты мы с благодарностью вспомнили мою жену Люду, которая не забыла впопыхах всунуть в рюкзак литровую банку сметаны. Уже на третий день сметаны и картошки не осталось, и черемша отступила от избушки — собирал я её уже в дальнем берёзовом колке. А городская провизия почти вся вернулась домой.

Рыбалка на Сочуре у нас не получилась. Рыбы здесь будто никогда не бывало: она не хотела идти ни в сеть, ни на крючок. Мы понимали, что наступило то «мёртвое» время, затишье на реке, когда полая вода ушла, а река ещё не вошла в берега, не обрела своего первозданного русла. Но, несмотря на затишье, писатель всё же сумел удочкой натащить сорожек. Из них получилась превосходная уха, заправленная черемшой.

Всё это было будто вчера. Приходило свежее утро, и мы, отдохнувшие, — с удочками на реке. Ещё труднодоступны и слишком мягки глинистые берега Сочура после паводка. Прошлогонная осока бабьими нечёсаными волосьями обвисла на острых кочках. Но природа ожила. Во всю глотку горланят птицы. Ранним утром, ещё в сумерках, на тихом плёсе по глади воды бьёт широким хвостом бобр. А вокруг нас — белизна уже отцветающей душистой черёмухи. Лучезарное небо — без единого облачка, и нам, незадачливым рыбакам, вовсе не грустно на диких, скрытых от цивилизации и разгрома, тихих берегах реки.

Трудяга-лодка с подвесным мотором неустанно мчит нас то на один, то на другой мысок. Но и там, к сожалению, нам не сопутствует удача. Лодка

снова летит в верховья Сочура. И вот на мыске, как на великолепной картине, стоит и удивлённо смотрит в нашу сторону изящная лосиха. Ещё рыжие неокрепшие лосята жмутся к матери, лезут ей под брюхо. И я слышу рядом крик, душераздирающий, требовательный:

— Беги, дура!!! Пристрелит ведь, изверг.

Я удивлённо гляжу на Виктора Петровича. Что это?! В шутку или всерьёз? Исподтишка наблюдаю за его лицом. Мне хочется взвыть: «Неужто у меня, охотника, природолюбца с детства, может подняться рука в такую пору, да ещё на дитя?» Но тут же сконфуженно поджимаю губы и молчу. Видно, на моей кислой физиономии было столько страдания и боли, что Виктор Петрович понял: тронул меня за живое. Он захохотал:

— Самолюбие задел! Терпи, казак, атаманом будешь. Не то в жизни терпел, знаю. А как я тебя? Под самое дыхло, а?

Конечно, я бы никогда не простил себе «самоубийства». В такую пору не зверя стрелять — сердце своё рвать.

Лосиха не торопилась. Постояв ещё немного, она, видно, без всякой охоты побрела в прибрежные кустарники, уводя за собой нескладных малышей.

Мы встречались с лосихой каждый день, а Виктор Петрович всё подтрунивал надо мной:

— Ах, Алёша, нам ли жить в печали? А мясо-то какое ушло!!!

Это он хотел разжечь во мне неужёмную страсть охотника, пытая меня, чего же больше во мне накопилось — страсти или разума.

А вечерами у костра — рассказы писателя о его интересных и многочисленных путешествиях по нашей стране и по загранице.

Кажется, костёр уже устал разбрасывать искры, и пора укладываться спать. Но я не уставал слушать всё новые и новые рассказы писателя. Он часто прерывался, вслушиваясь в ночь, определял щебечущую птицу. Посматривая на яркие звёзды, вдруг восхищался весной. И я тогда понял, что этот человек, громада мыслей, не может писать о своей земле иначе, как это он умеет делать. Весна светилась и отражалась в каждой морщинке его лица, в движениях, в дыхании, в связных словах, не случайных, а продуманных, точных. И ещё я понял, что, овладевая мастерством сочинительства, надо в первую очередь тонко чувствовать Природу, её дыхание, понимать её, чтобы потом незаметным штрихом ненавязчиво нарисовать это великолепие, точным словом, такой, какая она есть на самом деле, без прикрас, не выдумывая «цветистые шлейфы» зари. Потому-то проза Виктора Петровича понятна любому человеку, читаема всеми.

Оба влюблённые в тайгу, мы могли часами говорить о её тайнах, современном состоянии, бережении, прочих премудростях лесной жизни.

Наученный ею тропить зверя, ловить рыбу, выживать в экстремальных ситуациях, я люблю тайгу всем сердцем, стремлюсь туда при случае и, конечно, восхищаюсь её могуществом, мудростью и тайнами.

Я ещё раньше в своём сказании-романе «Государева вотчина» рискнул сконцентрировать в небольшом абзаце её прелесть. Этим я поделился с Виктором Петровичем на Сочуре, когда было непогоде и мы, пережидая дождь, уединились в избушке.

— Почитай!... — сказал он просто и приготовился слушать, задумавшись.

Монолог я старалась читать выразительно, но от волнения не получалось так, как бы хотелось. И я с дрожью в голосе читал:

— «Тихие вечера на Кети необычайно завораживают. Спрячется за лесом до утра сильное солнце, на землю медленно опустится ночь. Поначалу сумерками прикроет леса, как лёгким воздушным одеялом, а затем соберёт воедино весь просматриваемый простор и скоро встанет сплошной непроницаемой стеной. Ни огонька вдали, ни костерка на отмелях. Только яркие, сочные звёзды беспорядочно рассыплются по небу, разбредутся от края и до края по тёмному пространству и вспархивают, как жёлтые цыпушки подле клуши. В густой хвое игриво прошуршит шаловливый ветер, да неохотно шевельнётся в кустах запоздалая птица, укладываясь на покой, и всё стихнет, замрёт до рассвета. Только всю ночь слышно, как играет шальная волна у крутого берега да звонко шумит вдали стремительный перекат».

Когда я с трудом выдавил последнее слово абзаца, писатель с любопытством посмотрел на меня и выдохнул:

— Ну и ну...

Он меня попросил ещё прочитать монолог. И я уже смело начал своё повествование.

Когда я умолк, писатель вдруг нахмурился: — На болячку наступил ты мне, Алёша. Смогу ли ещё побыть с тобой в зимовье, побродить по тайге, порыбачить? Нет. Знаю, что не бывать мне уже здесь. Хоть ты когда вспоминай меня в избушке. Эй, тайге-то, поклонись и попроси ещё раз прощения у неё за урон. За меня попроси. А написал ты от души, глубоко. Одним словом, получился образ тайги.

— Ну что вы! — замер я.

— Я знаю. Уже твёрдо знаю. Нутром чувствую, что скоро... Не утешай... Не надо. А о природе писать нужно больше, лучше и глубже, чем теперь пишут. Сегодня человек и природа — это проблема. В тебе я не ошибся.

Зимовье на реке Сочур стоит до сих пор. Под надёжной крышей ему не страшна мокрота. И каждый раз, остановившись на перепутье ли, обогреться и выпить кружку чая, переночевать ли

в случае заметённой таёжной тропы, я вспоминаю те дни, когда мы общались здесь с Виктором Петровичем. Никогда не ложусь я отдыхать на нары, на которых отдыхал и увлекательно рассказывал незабываемые бесконечные истории любимый писатель. И кружка, и ложка, и закопчённый чайник, вещи, которыми пользовался он, святы для меня. Каждый раз, когда в одиночестве я коротаю долгие бессонные ночи в зимовье, мне кажется, что напротив меня сидит Виктор Петрович. Я в тайге уже не один. Он неназидательно учит меня и здесь: как быть, что делать. И каждый раз я слышу и внимаю его неторопливую речь. А когда работа за столом или читаю, часто задумываюсь о том, а как бы это делал Виктор Петрович. Необъяснимая сила тянет меня к нему, в Овсянку или в одинокое таёжное зимовье на реке Сочур. Когда мне плохо, то я еду туда.

И, бывая в тайге, каждый раз повторяю слова Виктора Петровича, написанные в его завещании: «О тайга, о вечный русский лес и все времена года, на земле русской происходящие, что может быть и есть прекрасней вас? Спасибо Господу, что пылинкой высеял меня на эту землю, спасибо судьбе за то, что она сделала меня лесным бродягой и подарила вьюе столь чудес, которые краше всякой сказки».

Весну провели мы вместе в Овсянке. А вот осенью писатель со съёмочной группой из Санкт-Петербурга отправился по Енисею за «Царь-рыбой». Они прилетели из Красноярска в Енисейск поздно вечером и, конечно, застали нас с женой врасплох. Но непринуждённость, шутки, хорошее настроение Виктора Петровича всё поставили на свои места. В нашей квартире места хватило всем. Так и не заснули мы тогда до утра. Из-за отсутствия катера нашим гостям пришлось задержаться в Озёрном ещё два дня. Они понапрасну времени не теряли. Виктор Петрович, пожалев Люду, изъявил желание копать нашу картошку. На старом «уазике» мы с трудом весёлой компанией добрались до общественного поля, где наш участок притулился с краю. На заброшенном колхозниками поле когда-то сеяли для силосования рапс, с которым справиться было трудно, он сорняком пёр не по дням, а по часам. Не помогали даже частые пропалывания. Весь участок был затянута этой ярко цветущей культурой, так что и плетей картошки не видно было. К тому же на моём и всех соседних участках свирепствовал осот, который чем больше пропалываешь, тем его больше вырастает. Удручающую картину безысходности довершала мокрица.

— О-го-го! — удивлённо воскликнул Виктор Петрович, оказавшись на поле. — Да ты, я вижу, Алёша, полевод отменный.

Мне ничего не оставалось делать, как молча развести руками. Но как бы то ни было, несмотря на поломку машины, густотравье на поле

и начавшийся не ко времени дождь, Виктор Петрович вечером торжественно доложил жене: — Люда! Мужики ужин заработали. Нарыли картохи по мешку на рыло.

И без конца беззлобно насмеялся надо мной, обращаясь к Людмиле, что муж её никчёмный, такой же, как и он, Астафьев, у Марии Семёновны. Люда, как могла, защищала меня, но тут и ей досталось за переваренную картошку.

А уж зимой, как свидетельство бесхозяйственности, он отправил нам фотографии с обличительным юмором: «Командарм Бондаренко посылает гоп-команду в бой осенью 1994 года на картофельное поле».

Осенью 2000 года в Красноярске и Овсянке состоялись очередные Астафьевские литературные встречи.

В конце их в Овсянке Виктор Петрович просто ошарашил меня:

— Наметил я поездку в Енисейск. Подобрал подходящих литературных монстров. Вон одна Нинка Краснова чего стоит! Одна запоёт народ матерными частушками.

Для меня такое решение писателя было полной неожиданностью. Слов для ответа просто не нашлось лишь по одной причине, что я был просто шокирован. И конечно, для моих земляков-енисейцев визит высоких гостей — большая честь.

Виктор Петрович ещё сказал, что он долго думал и, несмотря на своё аховское здоровье, всё же решился сделать перелёт Красноярск — Енисейск в такое сыкатное осеннее время. И это случилось

ещё по настоятельной просьбе главы Енисейского района. И придётся ли ещё когда побывать Виктору Петровичу в Енисейске, который он любил? Енисейск напоминал ему и детство.

Встреча писателя с читателями в культурном центре села Озёрное была впечатляющей. Писатели по очереди говорили о литературе, искусстве, а благодарные слушатели в буквальном смысле этого слова засыпали гостей вопросами. Виктор Петрович уважительно представлял гостей: музыковед А. А. Золотова, писателя А. Варламова из Москвы, поэтессу Н. Краснову из Рязани, критика В. Курбатова из Пскова.

Другой день гости посвятили городу Енисейску, где побывали в православной гимназии, Спасском монастыре, краеведческом музее, библиотеке. На этом «Литературные встречи в русской провинции» закончились. А в моём сердце была радость и в то же время грусть, что всё так быстро прошло. Но в душе буйствовала весна. И с тревогой я думал: когда теперь поведут меня пути-дороги в Овсянку? Ведь Мастер глубокой осенью оставит её. А сердце моё там, под нарядной калиной, которая охотно привечает желанных гостей писателя. И буду ждать я её, новую весну, с нетерпением, чтобы вновь услышать мудрые слова, пообщаться, подумать. Какой она будет для меня, эта новая весна?

И она пришла. Но в Овсянку поехал я уже один. Виктор Петрович лежал в больнице. Для него и поездка в любимый его город Енисейск тогда, осенью 2000 года, была последней.